

His list of Roman gods consists of over 30 names. Among them there are both ancient local Italian gods, some of whom are completely forgotten and not mentioned elsewhere, and gods worshiped by the Roman and identified with local deities. Thus *Noctes Atticae* reflect the development of Roman perceptions of gods through the centuries from the beginning of the archaic period up to the time of the author's life. It is done on a very solid basis with precise references to sources. The work by Gellius makes it possible to come up with the original list of Roman deities and trace the penetration of foreign elements thereinto.

А.С. Крюков

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *DOMINUS**

Рассматривая индоевропейскую социальную терминологию, Эмиль Бенвенист обращает внимание на то, что латинское слово *domus* означает прежде всего не жилище или строение, не «дом», как здание, а «пребывание у себя», некую социальную общность, воплощением которой является *dominus* – «господин, хозяин»¹. Иными словами, *domus* мыслится как определенный микросоциум, во главе которого стоит *dominus*. Э. Бенвенист также отмечал: «Для нас *domus* и *dominus* являются разными словами, но латиняне ощущали их как два тесно связанных между собой слова»². Вопреки общепринятой этимологии, связывающей *domus* и *dominus*, вероятно, следует считать *dominus* отглагольным образованием от *domare* – «связывать, укрощать, усмирять»³. Особенности словоупотребления, считает Э. Бенвенист, «характеризуют *domus* как понятие семейной, социальной, моральной, но ни в коей мере материальной сферы»⁴.

Из первоначального основного значения *dominus* – «глава семьи, глава дома» развивается понятие «домовладыка, хозяин» (*Plaut. Most. 686; Ter. Ad. 88*). Чрезвычайно широкий смысл, заключенный в слове *dominus*, «может указывать на самые различные отношения господства над лицом или вещью»⁵. В частноправовой сфере *dominus* выступает как *pater familias* – «глава семейства», чья власть распространяется на собственность, на рабов, на членов фамилии: «предки наши называли хозяина отцом семейства» – *dominum patrem familiae appellaverunt* (*Sen. Epist. 47. 14*). В слове *dominus* совмещены представления о хозяине (владельце) частного дома или имения и господине над всеми членами социального сообщества, составляющими *domus*: «*dominus* ... обладает властью над *domus*; он его представляет и воплощает»⁶.

В процессе исторического развития концептуальное значение понятия *dominus* еще более расширяется – слово переходит в разряд терминов политических, определяя уже не главу дома, а главу государства; из микросоциума, где оно родилось, слово *dominus* попадает в макросоциум: из «домовладыки» превращается во «владыкку государства», становится титулом императора.

* Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить Ю.В. Откупщикова, В.М. Смирину, А.Л. Смышляева за ценные замечания, высказанные в процессе обсуждения данной работы.

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 196.

² Там же. С. 200.

³ Откупщиков Ю.В. Словообразование – семантика – этимология (о происхождении лат. *dominus*) // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 176–178.

⁴ Бенвенист. Ук. соч. С. 200.

⁵ Смирин В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985. С. 6.

⁶ Бенвенист. Ук. соч. С. 202.

Переход социального локально-ограниченного термина в политический неограниченный (при сохранении первоначального социального значения), происходивший в I–II вв. в эпоху ранней Римской империи, свидетельствовал об изменениях в общественном сознании, о трансформации традиционных политических и правовых норм римской гражданской общины.

Попробуем проследить хотя бы часть исторического пути апеллятива *dominus*, превращение социального термина в политический, итогом которого стало возникновение нового императорского титула.

В пределах частного дома вокатив *domine* служил обычной формой обращения младшего к старшему, раба к хозяину, выражая отношения социального и правового подчинения. Никаких политических коннотаций это обращение не содержало, будучи ординарной этикетной формой устной речи. За пределами частного дома слово *domine* могло звучать как обращение равного к равному: Сенека считал обычным делом приветствовать незнакомого человека, если имя его неизвестно говорящему или забыто им, обращением *domine* (*Sen. Epist.* 3.1). В таком употреблении обращение – это не только форма вежливости; *domine* указывает на предполагаемый статус человека, устанавливает социальные отношения между людьми, заведомо включая незнакомца в определенный социальный круг. *Domine* служит своеобразным социальным «паролем», регулятором межличностных социальных связей. Однако и в этом случае слово остается в ряду социальных обозначений, не вызывая никаких политических ассоциаций⁷.

Пейоративный политический смысл слово *dominus* приобретает лишь тогда, когда речь заходит не о хозяине частного дома, но о правителе, владыке государства; вернее о том, кто намерен им стать, намерен подчинить себе государство, когда оппозицией к понятию *dominus* оказывается не *servus* (раб), но *populus* (народ). Цицерон, опираясь на греческую политическую традицию, восходящую к Платону, отмечает, что *dominus populi* (повелитель, народа, владыка над народом), по греческим представлениям, – тиран (*Cic. De rep.* II. 47). После убийства диктатора Юлия Цезаря, в эпоху гражданских войн Марк Брут намеревался продолжать борьбу с укореняющимся, по его убеждению, рабством, в котором оказалось государство, с чрезвычайными полномочиями должностных лиц, с господством одного человека (*dominatione*) и властью, стремящейся стать выше законов (*Cic. Epist. Br.* 17.6). Хорошо известные традиционные слова *dominus*, *dominatio*, *regnum* приобретают в этот период исключительно политическое звучание и становятся действенным оружием политической борьбы между сторонниками убитого диктатора Цезаря и его противниками⁸. Именно в I в. до н.э. апеллятив *dominus* получает права «политического гражданства» в словаре эпохи. Как социальный термин слово по-прежнему употребляется в традиционном значении – «хозяин, домовладыка» (*Cic. De off.* I., 43, 138, 139; III. 54; *De leg.* II. 27, 61), в политическом оно начинает обозначать человека, в чьи намерения входит подчинить государство своему господству, установить *dominatio* – единовластие. Явно подразумевая Юлия Цезаря, Цицерон восклицает: *Ecce tibi, qui rex populi Romani dominusque omnium gentium esse concupiverit idque perfecit! Hanc cupiditatem si honestam quis esse dicit, amens est* – «Вот тебе тот, кто страстно возжелал стать царем римского народа и владыкой над всеми народами и добился этого! Если же кто скажет, что это страстное желание достойно уважения, тот безумец» (*Cic. De off.* III. 83).

Владыкой мира, повелителем вселенной может выступать лишь римский народ (*Verg. Aen.* I. 282), которому принадлежит верховная власть в государстве. Мысль эта знакома и близка императору Августу, поскольку она отражала официальную точку зрения, представляя принципат как восстановленную после гражданских войн республику.

⁷ Zlatuška Z. *Dominus als Anrede und Titel unter dem Prinzipat* // *Charisteria Francisco Novotný octogenario oblata*. Praha, 1962. S. 149.

⁸ Allen W. *Caesar's Regnum* // *Tapha*. 1953. 84. P. 229–231.

Светоний, любящий передавать занимательные истории, рассказывает, как Август, увидев однажды на сходке толпу римских граждан, одетых в темные плащи, возмутился их убогим видом, несоответствующим достоинству римского народа, и выразил свое негодование, процитировав Вергилия: *En Romanos, regum dominos, gentemque togatam* – «И это римляне, владыки вселенной, племя, облаченное в тогу!» (Suet. Aug. 40. 5). После чего Август повелел, чтобы все находящиеся на форуме или вблизи него снимали плащи и оставались в тогах. Вергилию, как и Августу, представляется вполне естественным видеть в римлянах повелителей вселенной.

Отправленный в ссылку Овидий не устает называть Августа богом, связывает величие римского народа с персоной императора, именуя его даже *terrarum dominum* – «владыкой мира» (Ovid. Epist. ex Ponto. II. 8.26). Трудно решить, что преобладает в фразеологии Овидия – поэтическая гиперболизация или политический сервиллизм.

По мнению А.Б. Егорова, «титул *dominus* существует буквально с начала Империи. Август и Тиберий его отвергают, но то, что он был им предложен, показывает, что для некоторых из императорских приближенных он не звучал одиозно. Калигула же и Домициан заставляли называть себя именно так. Еще у Тацита и Светония слово *dominus* чаще всего имеет пейоративный оттенок, однако Плиний называет так Траяна, а Адриан первым именуется *dominus* в латинских папирусах»⁹. Думается, А.Б. Егоров несколько укоротил и спрямил исторический путь слова *dominus*, а тем самым упростил стоящую за ним политическую реальность. Процесс образования политических коннотаций понятия *dominus*, начавшийся в середине I в. до н.э., завершился; прежде чем слово превратилось в титул, т.е. обрело новую терминологическую функцию, когда на первый план выступил именно политический аспект, а социальная характеристика отошла на второй план, но при этом никогда не была утрачена.

Процесс этот был длительным и теснейшим образом был связан с развитием императорской власти, с сосредоточением в руках принцепсов власти военной, гражданской, законодательной: Август привлек на свою сторону сперва войско и лишь после этого «стал постепенно возвышаться, стягивая к себе власть сената, магистратов, законов» (Tac. Ann. I. 2.1).

Закон об оскорблении величия римского народа (*lex maiestatis*) как носителя верховной власти, не изменив своего названия, постепенно трансформировался в закон об оскорблении особы императора, который теперь уже один олицетворял верховную власть: «Дошли до того, что смертным преступлением стало считаться, если кто-нибудь перед статуей Августа бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с его изображением в отхожее место или в публичный дом, если без похвалы отсылался о каком-нибудь его слове или деле» (Suet. Tib. 58; пер. М.Л. Гаспарова).

Такова была политическая реальность. Вместе с тем Август постоянно подчеркивал свою приверженность республиканским традициям, уже ушедшим и уходящим в прошлое: «Государство, угнетенное господством (*dominatione*) клики я освободил» (RgdA. 1.1); «Никакой должности, дававшейся вопреки обычаям предков, я не занимал» (RgdA. 6.1); «Первоприсутствующим в сенате я был... на протяжении сорока лет» (RgdA. 7.1). Император старательно избегал любого намека на монархическую, единодержавную сущность своего правления, называя себя принцепсом и стремясь убедить современников, будто созданная им система управления ничем не отличается от республиканской и представляет собой «восстановленную республику». «Принципат Августа – едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии, да еще возведенном в принцип. Это – государственная система (с течением времени довольно четко сложившаяся и выраженная), которая совершенно сознательно и цинично выдалась официальной пропагандой не за то, чем была на самом деле»¹⁰.

⁹ Егоров А.Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 170.

¹⁰ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 267 сл. См. также *Syme R. Tacitus*. V. 1–2. Oxf., 1958. V. 1. P. 408.

Марциал и Ювенал, Тацит, Плиний, Светоний дают прекрасную возможность увидеть, как постепенно, наступая и отступая, завоевывает слово *dominus* место в политическом словаре эпохи. Источники в изобилии содержат примеры употребления слова *dominus* в его основном социальном значении без всяких пейоративно окрашенных политических оттенков. В «Диалоге об ораторах» Тацита Мессала порицает современное ему воспитание, когда ребенок от самого рождения препоручается греческой служанке или рабам, которые нисколько не думают о том, что можно говорить и делать в присутствии юного господина (29.1.) В данном случае мы имеем традиционную оппозицию господин – раб.

В последние дни жизни больной и ослабевший Тиберий, чтобы скрыть свои недуги, переезжает с места на место и останавливается у Мизенского мыса, на вилле, хозяином которой был некогда Луций Лукулл (*cui L. Lucullus quondam dominus* – *Ann.* VI. 50. 1.). В том же самом значении бывает употреблено слово *dominus* в «Анналах» (XIV. 43.3; XV. 43.1), «Истории» (II. 12.2; 56. 1; III. 33.2), так что число примеров можно и увеличить¹¹.

Вместе с тем Тацит использует *dominus* для обозначения принцепсов и их наследников, однако не вкладывая в слово никаких пейоративных оттенков. Негативное политическое звучание *dominus* обретает лишь при обращении к принцепсам, приоткрывая тиранический характер их власти. Именно этим и вызван запрет Тиберия называть его *dominus*: «Предложенный ему... титул отца отечества он, однако, не принял и высказал суровое порицание тем, кто называл его попечение о народе божественным, а его самого государем» – *ipsumque dominum* (*Ann.* II. 87; пер. А.С. Бобовича).

Светоний упоминает *dominos insularum* – «хозяев доходных домов» (*Jul.* 41.3; *Tib.* 48. 1), рассказывает, как Тиберию было поручено проверить по всей Италии эргастулы (дома для содержания рабов), хозяева которых (*domini*) скрывали в них не только насильно захваченных путников, но и уклоняющихся от военной службы (*Tib.* 8.1). У Юлия Цезаря, по словам Светония, была необыкновенная лошадь, когда она только родилась, гаруспики предсказали ее хозяину (*domino*), т.е. Цезарю, господство над всем миром (*Jul.* 61). В качестве примера бесчестности и скаредности отца Нерона и самого императора приводится сообщение, как они оба конфликтовали с хозяевами цирковых колесниц, либо предводителями цирковых партий – *dominis factionum* (*Suet. Nero.* 5.2; 22.2). Выступая в курии, Тиберий величает сенаторов *dominos* (*Suet. Tib.* 29); во время цирковых игр, проявляя необычную простоту и веселие, император Клавдий то и дело называл зрителей *dominos*; а после убийства Мессалины, садясь обедать, спросил у присутствующих: *cur domina non veniret?* – "почему не приходит супруга?"» (*Suet. Claud.* 39. 1). Величание сенаторов и цирковых зрителей *dominos*, именование Мессалины *domina* – всего лишь формы вежливости, обращение, лестное для цирковой толпы, поскольку звучит из уст императора, и совершенно обыденное по отношению к императрице.

У Светония не встречается ни одного примера, где бы *dominus* обладало политическим пейоративным звучанием. Из 24 случаев словоупотребления существительного *dominus*, которые встречаются у Светония, в 15 речь идет о домовладыке, хозяине или господине (традиционное социальное значение), но не о главе государства. Используется как единственное, так и множественное число. Трижды *dominus* употреблено в переносном значении – «владыка мира, хозяин вселенной» (*Aug.* 94. 5; *Cal.* 35.3; *Galba* 9.2). Только в трех случаях выражается негативное отношение к именованию *dominus*, но выражается не Светонием, а героями его биографий – Августом и Тиберием (*Aug.* 53.1 (дважды); *Tib.* 27.1)¹².

У Ювенала некий сиро-финикиец, раб либо вольноотпущенник, величает зашедшего в ночную таверну посетителя «господином и царем» (*dominum regemque salutat* –

¹¹ Gerber A., Greef A. *Lexicon Taciteum*. Lipsiae, 1903. S.v.

¹² Howard A.A., Jackson C.N. *Index verborum C. Svetoni Traquilli*. L., 1922. S.v.

Sat. VIII. 161). Столь льстивое обращение продиктовано не высоким социальным или политическим статусом пришедшего, а надеждой хозяина заполучить несколько лишних ассов. Во второй сатире упомянут *dominum tabernae* – хозяин лавочки, торгующий балзамом (II. 42). Едва ли обитатели многоэтажных инсул, рабы и свободные, содержащиеся в эргастулах, обращаясь к своему хозяину, вкладывали в слово *domine* какой-либо политический смысл.

Обратимся теперь к хорошо известным примерам из Светония. «Диктатуру, предложенную ему народом, Август отверг» (Suet. Aug. 52). Это свидетельство повторяет слова самого Августа: «Диктатуру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, и в моем присутствии и народом, и сенатом... я не принял» (RgdA. 5.1). Принятие диктатуры, если бы это случилось, дало бы возможность официально называть Августа диктатором, что разрушило бы создаваемый им миф о «восстановленной республике». Аналогичным образом принятие даже не титула, а всего лишь обращения *domine* вызывало ассоциации с автократической формой правления и позволяло бы считать правление Августа *dominatio*, чего император старательно избегал: «Имени "государь" он всегда страшился как оскорбления и позора. Когда при нем на зрелищах мимический актер произнес со сцены: "О добрый справедливый государь" – и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нем самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте. После этого он даже собственных детей и внуков не допускал ни в шутку, ни всерьез называть его господином, и даже между собой запретил им пользоваться этим лестным обращением» (Suet. Aug. 53. 1; пер. М.Л. Гаспарова).

Итак, из приведенного пассажа мы узнаем, что Август воспретил употреблять слово *dominus* как по отношению к себе, так и в обращении детей и внуков между собой. Сам факт такого запрещения указывал, что слово *dominus* не является титулом, связанным с положением какой-либо определенной личности. Слово это употреблялось, причем довольно широко, как в доме Августа, так и в других частных домах, не вызывая политических аллюзий. В устах рабов, родных и приближенных Августа слово *domine* продолжало звучать как вежливое обращение, лестное или льстивое в зависимости от ситуации, пока не выходило за стены дворца, означая «хозяин» или «господин». Впрочем, дом Августа давно перестал быть частным домом, его порядки, нравы, обычаи, формы обращения, даже манера одеваться усваивались обществом, что не вызывало возражений Августа. Обращение *domine* выполняло в семье обычную этикетную функцию, для детей и внуков оно представлялось желанным и лестным.

Граница между обычным обращением, почтительностью или лестью, заключенными в слове *dominus*, была чрезвычайно зыбкой, дополнительное значение обращению *domine* могли придавать интонация, жесты, ситуация, даже время и место общения. *Dominus* могло по-разному звучать и восприниматься в различных речевых ситуациях, обрастая конкретными дополнительными оттенками. Диапазон сопугствующих употреблению слова оттенков мог колебаться от откровенной лести до иронии. Возможно, об одном из таких случаев говорит Марциал, когда высмеивает некоего Сосибяна, слишком льстиво обращающегося к отцу:

A servo scis te genitum blandeque fateris,
Cum dicis dominum, Sosibiane, patrem (I. 81).
Знаешь ты, что рожден от раба, и льстиво в том признаешься
Всякий раз, когда, Сосибян, называешь отца господином.

(Пер. Ф.А. Петровского)

Видимо, Сосибян перешел некую этическую границу, хорошо ощутимую в живой речи, но безвозвратно утерянную для нас. Его обращение к отцу представляется поэту столь унижительным и льстивым, что наводит на мысль о рабском происхождении Сосибяна, становится поводом для осмеяния. Речевой акт создал необыч-

ную социальную ситуацию, которая представлялась отклонением от привычных норм социального общения. Если даже предположить, что Марциал просто высмеивает Сосибяна, не имея в виду его реальных поступков, его речевого поведения, то и в этом случае шутка Марциала должна иметь какую-то опору, обоснование в реальной действительности, иначе она была бы просто непонятна его современникам. Напротив, действительность шутки, ее актуальность и связь с реалиями римского общества подтверждает как будто сам поэт. В пятой книге, созданной в эпоху господства Домициана, Марциал вновь обращается к той же теме, используя сходную фразеологию для насмешки над неведомым нам Цинной.

Cum voco te dominum, noli tibi, Cinna, placere:

Saepe etiam servum sic resaluto tuum. (V.57).

Не обольщайся, коль я господином зову тебя, Цинна:

Часто приветствую так я и раба твоего.

(Пер. Ф.А. Петровского)

Если бы апеллятив *dominus* был официальным общепринятым титулом императора Домициана, мог ли осмелиться Марциал на подобные шутки?

У Светония ситуация совершенно иная. Когда хорошо знакомое бытовое слово прозвучало при стечении народа, на мимическом представлении, где присутствовал глава государства, оно мгновенно обрело политическое значение и вызвало политическую демонстрацию, открыто выражая то, что тщательно стремился скрыть Август. Логическим и политическим разрешением ситуации явился эдикт императора, запрещающий именовать его *dominus*, дабы избежать нежелательных политических ассоциаций. Еще Тертуллиан ощущал щекотливость положения принцепса, когда речь заходила о титулатуре: *Augustus imperii formator ne dominum se quidem appellari volebat* – «Основатель империи Август не желал, чтобы кто-либо называл его государем» (Apol. 34). Именно положение главы государства, чьи полномочия никогда не были определены законодательно, заставляло Августа избегать любого соотнесения с *dominus*, который в общественном сознании прочно связывался с господством над подвластными и с политической тиранией.

Светоний нигде не говорит, что Августу или кому-либо из императоров I в. был предложен титул *dominus*, биограф лишь отмечает возникновение в сознании театральной толпы неожиданного (возможно, заранее подготовленного, что не меняет сути дела) сопоставления политического статуса Августа с положением мимического героя, которого актер называет *dominum aequum et bonum*. Как драматический жанр мим пользовался широкой популярностью в эпоху империи. Сюжеты мимов обычно заимствовались из городской или сельской жизни низших слоев общества: приключения незадачливого любовника, супружеские измены, неожиданные превратности жизни, происки ловкого доносчика, погоня за возможным наследством. От других драматических жанров мим отличался полным равнодушием к общепринятым моральным нормам, двусмысленностью комических ситуаций, откровенной непристойностью и абсолютной вольностью выражений. Марциал уверен, что если девушка посмотрела мимические представления, то ничего более непристойного в его книгах она не обнаружит (III. 86). Обращаясь к Домициану, поэт вновь напоминает о полной свободе выражений в мимах, однако сам не допускает подобных вольностей в элиграммах (VIII, praef.).

Нет никаких оснований утверждать, будто героем мима, разыгранного в присутствии Августа, был сам император, либо человек, обладавший высоким социальным статусом. В обычном контексте и в обычной ситуации *accusativus exclamationis* «*O dominum aequum et bonum!*» означал «О, добрый справедливый господин!» или «О, добрый справедливый хозяин!». Произнесенные как социальная характеристика слова эти прозвучали в присутствии Августа как политическая хвала и лесть, вскрывая монархическую сущность его правления, и были восприняты театральной толпой как «О, добрый справедливый государь!».

Реакция театральной толпы, выражавшая искреннюю преданность императору, есть либо политический сервиллизм, намечала динамику развития политического значения *dominus*, тенденция слова со временем стать титулом императора.

Условия для перехода социального термина в политический уже существуют, условия эти заложены Августом, однако общество еще не готово окончательно расстаться с республиканскими традициями, отложившимися в повседневной языковой практике. Поэтому есть все основания говорить, что на протяжении I века именование принцепса *dominus*, официальное обращение к нему *domine* являлись не нормой политического общения, а отклонением от официально признаваемых форм социальной номинации¹³. Светониева биография Калигулы делится на две неравные части важным замечанием: «До сих пор речь шла о принцепсе (*de principe*), далее должно говорить о чудовище (*de monstro*)». В числе первых отличий чудовища от принцепса Светоний называет *cognomina* (прозвища) Калигулы. Придя к власти после смерти (а по другим версиям после убийства) Тиберия, Калигула *присвоил* себе множество прозвищ (*compluribus cognominibus adsumptis*), которые, разумеется, никогда не стали титулами и вопреки желанию императора приобрели прямо противоположный смысл. Его называли «благочестивый» (*pius*), «сын лагеря» (*castrorum filius*), «отец войска» (*pater exercituum*), «наилучший величайший Цезарь» (*optimus maximus Caesar*). «Недоставало совсем немного, чтобы он возложил на себя диадему и видимость принципата обратил в форму царской власти» – *non multum a fuit quin statim diadema sumeret speciemque principatus in regni formam converteret*. (Suet. Calig. 22.1). Возможно, опираясь на Светония либо используя какой-то иной источник, Аврелий Виктор, живший два с лишним века спустя, тоже характеризовал деяния Калигулы как не соответствующие обычной норме: *Primus diademate imposito dominum se iussit appellari* – «Он первым, надев диадему, повелел называть себя господином» (Sext. Aurel. Vict. Epit. de Caes. 3.8; De Caes 3.12). Светоний и Аврелий Виктор приводят эти подробности, желая лишь подчеркнуть чудовищность злодеяний Калигулы, а не для того, чтобы отметить изменения в императорской титулатуре.

Новый этап в продвижении слова *dominus* к политическому словарю наступил в эпоху Домициана (81–96 гг.). Последний представитель династии Флавиев в противоположность Августу и Тиберию с удовольствием слушал, когда народ в амфитеатре кричал: *Domino et dominae feliciter!* – «Государю и государыне слава!». Более того, лишь чрезмерное высокомерие побудило императора составить от имени своих прокураторов официальное послание, которое начиналось словами: *Dominus et deus poster hoc fieri iubet* – «Наш государь и бог повелевает следующее...». Именно с этого времени, подчеркивает Светоний, было принято, чтобы ни письменно, ни устно никто не называл его иначе (*Domit. 13.1–2*).

Неопределенное выражение Светония *institutum* – «было постановлено, решено, принято» без указания на лицо или институт, принявший решение именовать принцепса *dominus*, свидетельствует об экстраординарности, временном характере и незначительности данного постановления. Возникает естественный вопрос: насколько это решение закрепилось в сознании общества и отразилось в языке?

Живейшим образом реагирующий на все изменения в жизни римского общества Марциал высмеивает некоего Фасиса, восхваляющего эдикт императора Домициана – *edictum domini deique nostri*, согласно которому за всадническим сословием были закреплены в театре первые четырнадцать рядов (V. 8.1). Почти с формульной точностью величание Домициана господином и богом повторено у Марциала (VII. 34.8; IX. 66.3). Опираясь на эти примеры, Фр. Заутер высказал предположение, что *dominus et deus* – дополнительный титул императора Домициана¹⁴. Официальный, общепринятый титул Домициана, как и всех принцепсов I в., – «император», что под-

¹³ *Frei-Stolba R. von. Inoffizielle Kaisertitulaturen in 1 und 2 Jahrhundert n. Chr. // Museum Helveticum. 1969. V. 26. Fasc. 1. S. 20–21.*

¹⁴ *Sauter Fr. Der römische Keiserkult bei Martial und Statius. Stuttgart, 1934. S. 36.*

тверждается надписями и нумизматическими источниками¹⁵. Восьмая книга Марциала открывается официальным обращением, где титул, согласно установившейся в I в. традиции, стоит на первом месте, а после имени указаны военные заслуги принцепса, его победы в Германской и Дакийской войнах: *Imperatori Domitiano Caesari Augusto Germanico Dacico Valerius Martialis S.* – «Императора Домициана, Цезаря, Августа, Германского, Дакийского – Валерий Марциал приветствует». Затем в прозаическом обращении к Домициану Марциал естественным образом употребляет форму «domine», а в первой эпиграмме той же восьмой книги прославляет лавром увенчанные пенаты своего покровителя, т.е. императорский дворец (*aurigeros domini... penates*).

Современник Марциала Стаций не раз называет императора Домициана *dominus* (*Silv. IV. 2.25: V. 1.4.2, 74, 94, 112, 261*), в одном случае именуется его даже *rex* (*Silv. IV. 1.46*). Однако считать эти употребления терминологическими нет никаких оснований.

Домициана убили в 96 г. Непродолжительное правление Нервы сменяется властью Траяна. Наступает новая эпоха, когда, по выражению Тацита, каждый может думать, что хочет и говорить, что думает. Общество постепенно, как после тяжелой болезни, начало оправляться от чудовищной тирании Домициана. Немедленно откликается на изменение политической ситуации Марциал:

*Frustra Blanditiae venitis ad me
Attritis miserabilis labellis:
Dicturus dominum deumque non sum (X. 72. 1–3).*
Лесть, напрасно ко мне ты, негодяйка,
Приступаешь с бесстыжими губами:
Ни владыки, ни бога я не славлю...

(Пер. Ф.А. Петровского)

Таким образом, выясняется, что *dominus et deus* – не титул, а всего лишь *cognomina* – прозвища императора, выражающие неумеренное честолюбие, амбиции тирана и страсть к собственному прославлению. Пока Домициан был у власти и требовал, чтобы его называли господином и богом, Марциал ради собственного благополучия и безопасности, подобно многим своим современникам, так и поступал. Как только с Домицианом было покончено, можно было отказаться от низкой лести и раболепия, откровенным проявлением которых было именование императора господином и богом. Более того, подразумевая пришедшего к власти Траяна, Марциал явно не без лести, но и не без симпатии к новому режиму, заявляет:

*Non est hic dominus, sed imperator,
Sed iustissimus omnium senator (X. 72. 8–9).*
«Не владыка у нас, а император
И среди всех справедливейший сенатор».

(Пер. Ф.А. Петровского)

Эпиграмма завершается политическим советом, обращенным к римскому гражданину: «Если ты, Рим, разумен, остерегись говорить прежними словами», т.е. не вздумай называть принцепса господином и богом. Легкость, с которой Марциал переходит от лести к обличениям, то называя Домициана господином, то отвергая подобное именование, – еще одно наглядное свидетельство, что в слове *dominus* поэт и его современники видели не императорский титул, а появление тиранических наклонностей последнего представителя династии Флавиев.

Переписка Плиния с императором Траяном подтверждает наши наблюдения: 73 письма, обращенных к принцепсу, открываются традиционной формулой: *S. Plinius Traiano imperatori* – «Плиний императору Траяну», где «император» является титулом главы государства. В трех случаях титул *imperator* фигурирует в качестве обращения

¹⁵ *McFaiden D. The History of the Title Imperator under the Roman Empire. Chicago, 1920. P. 57–63.*

непосредственно в тексте письма и к нему добавлены определения *sanctissimus* – «достойнейший» (X. 1.1); *optimus* – «наилучший» (X. 1.2; X. 4.1), но эти эпитеты не входили в императорскую титулатуру.

В письмах Плиния к Траяну слово *dominus* продолжает сохранять в основном социальное значение, будучи обращением нижестоящего к вышестоящему, императорского легата, отправленного в провинцию Вифинию и подчиненного непосредственно императору, – к главе государства. Титул не может быть опущен в официальной переписке, в то время как в 11 письмах Плиния обращение *domine* не встречается вообще (письма 1, 11, 14, 21, 41, 59, 64, 87, 102, 112, 116). Особый интерес представляют письма 52 и 102, где Плиний, поздравляя императора с очередным памятным днем, связанным с приходом Траяна к власти, в одном случае пишет «*domine*» (52-е письмо), а в другом (102-е письмо) спокойно обходится без подобного обращения. Если бы слово *dominus* было официально признанным титулом императора, мог ли императорский легат, поздравляя главу государства, опустить в письме официальный титул? Не встречается форма *domine* и в первом письме, где дважды употреблено обращение *imperator*. В семи письмах (2, 4, 29, 33, 68, 92, 94) форма *domine* находится в середине текста или стоит ближе к концу послания, что опять-таки представляется отклонением от нормы обычного употребления официального титула главы государства. Наконец, прислушаемся к тому, что говорит переводчик Плиния и чрезвычайно начитанный в классических текстах антиковед М.Е. Сергеев: «Письма Плиния... составлены в обдуманых выражениях и тщательно подобранных словах»¹⁶. Безусловно, вокатив *domine* у Плиния по отношению к Траяну означает больше, чем просто вежливое обращение, оно выходит за рамки традиционной этикетной формы, и вместе с тем слово выражает меньше, чем политический термин; *dominus* приближается к тому, чтобы стать титулом, но не становится таковым на протяжении всего I века.

Плиний отчетливо сознавал заключенные в *dominus* негативные политические интенции, когда слово приобретало исключительно политическое значение, выступая в качестве синонима понятия «тиран, деспот».

В «Панегирике» император Траяну Плиний, подобно Марциалу, призывает, чтобы ушли навсегда те слова, которые выжимал из людей страх, «ибо мы говорим не о тиране, но о гражданине, не о властителе, но о родителе» – *non enim de tyranno, sed de cive, non de domine, sed de parente loquimur* (Paneg. 2.3). *Dominus* прямо ассоциируется с тиранией, а римское гражданство оказывается в положении раба. *Dominatio* противостоит принципату Траяна, означая рабство, рабское состояние, в котором находилось государство прежде (Paneg. 45.3).

Становление *dominus* в качестве политического термина, означающего полную и безграничную власть над личностью и государством, происходило одновременно с разложением римской гражданской общины, усилением императорской власти, с изменением республиканского правосознания и утратой личных гражданских прав. Превращение слова *dominus* в официальный титул императора знаменовало переход римского гражданина в состояние подданного Римской империи, подданного, смиренного с новой политической системой и со своим зависимым от императора положением. Официальным титулом императора «*dominus*» становится лишь в начале III в., в эпоху Северов, а ко времени императора Константина (306–337 гг.) титул *Dominus noster* оказывается преобладающим¹⁷.

¹⁶ Сергеев М.Е. О Плиний Младшем // Письма Плиния Младшего. М., 1982. С. 278.

¹⁷ *Shervin-White A.N. The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary.* Oxf., 1966. P. 557. Ср. также Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 438; Коптев А.В. *Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеримской эпохи* // Древнее право. 1996. N 1. С. 182 сл.

The author undertakes to trace the development of the social term *dominus* in the 1st c. A.D. Using texts by Martialis, Statius, Juvenalis, Tacitus, Plinius and Suetonius, he comes to the conclusion that during the 1st c. *dominus* preserved its main social meaning «owner, master» and did not denote the head of state. The transformation of *dominus* into a political term denoting the title of the emperor was a slow process reflecting a change in public consciousness connected with the disintegration of the Roman *civitas* and became possible only in the early IIIrd c. under the Severi.

© 1998 г.

В.М. Смирин

«NUDUM IUS QUIRITIUM», «DOMINIUM» И «PROPRIETAS» В ПОНЯТИЙНОЙ СИСТЕМЕ РИМСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В основе предлагаемого краткого сообщения – текст доклада, прочитанного 1 сентября 1988 г. на 18-й сессии международного научного общества «Эйрене» в Будапеште. Не опубликованный в свое время, он переработан в той мере, какая казалась необходимой. Автору хотелось сохранить жанр, смысл и тон прежнего сжатого изложения.

Среди историков римского права и поныне бытует, а до недавних пор и преобладало мнение, согласно которому в Риме к началу принципата складывается понятие собственности, в основных чертах идентичное современному. Развернутую и конструктивную критику этого взгляда дал Р. Фенстра¹. В отечественной литературе отметим близкие к интересующей и нас теме работы В.А. Савельева², который исходит (с чем согласны и мы) из смыслового несходства рассматриваемых понятий, но разница в подходах к источнику и в методике приводит авторов к разным выводам.

Обратимся к источникам. В них наиболее важным для нашей темы представляется все, что связано с так называемыми «двойным доминием» (*dominium duplex*) и особенно с «голым квинитским правом» (*nudum ius Quiritium*). Оба эти выражения были исключены Юстинианом из Свода гражданского права как уже-де ненужные старинные установления, утратившие связь с действительностью, как «пустое излишнее слово» (*vacuum et superfluum verbum*) и т.д. (СІ. 7. 25). Вот в этих-то «устаревших» категориях мы и решились искать ключ к пониманию специфики (а значит и сущности) римского доминия, каким он предстает перед нами в «квинитском праве» времен Поздней республики и Раннего принципата. Соответствующие тексты источников не так уж малочисленны и достаточно хорошо известны³. По Гаю (II. 40; I. 54), некогда у

¹ *Feenstra R. Duplex dominium // Symbolae iuridicae Martino David dedicatae. I. Leiden, 1968. P. 55–71.* Р. Фенстра показывает, что тексты Гая (II в. н.э.), Теофила (начало VI в.) и Юстинианова кодекса отражают и поддерживают друг друга, тем самым образуя цельный в своем единстве блок, не допускающий никаких произвольных конъектур и заставляющий отвергнуть всю практику «переделывателей» твердой традиции (подробней см. *ibid.*, p. 63–65).

² *Савельев В.А. Dominium и proprietas в юридических источниках классического периода // Савельев В.А. Римское частное право (Проблемы истории и теории). М., 1995. С. 140–174; см. также его же одноименную статью в журнале «Древнее право. Ius antiquum». I. М., 1996. С. 112–123.*

³ Особенно важны для нашей темы все тексты Гая, так называемый Досифеев фрагмент и некоторые